

Кандыба Николай Вениаминович

Именем матери.... Машинопись, 4 стр. Первая публикация - 25 декабря 1988 года.
Опубликовано: Вестник ССРР. №3 С.12-14.

Эссе автора с включением воспоминаний матери, Кандыба (урожденной Гончаровой) Елены Семеновны, в детском возрасте высланной со своей матерью и братом Михаилом в конце 1920-начале 1930-х из Алтая на реку Кеть в Нарымском крае.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ... Сколько я ни пытался раньше поднять эту проблему - писал в газеты, рассказывал людям, общался с историками - ничего не получалось. Трудно одному было, да еще и в застойный период - просто невозможно было сделать что-то, чтобы хоть как-то заострить эту историческую, неисладимую из памяти народа, проблему массовых жертв в сельской местности в период коллективизации. Свидетельство этому - живые люди, их судьбы, исковерканные еще в самом начале человеческой жизни. Это - дети 28-30-х годов, которые стали невольными свидетелями и участниками тяжелейшего горя, обрушившегося внезапно на них и их матерей, отцов, братьев, сестер - горя, которое захлестнуло нашу страну в широких масштабах, оно коснулось многих сельских уголков России.

Мать родилась на Алтае в 1918 году в небольшом поселении Чарышского района. Где-то в трехстах километрах от г. Бийска. К 28-му году ее отец, Гончаров Семен Родионович, жил с семьей в двухэтажном деревянном доме, который достался ему в наследство от деда, занимался охотой, земледелием. Он имел достаточно крепкое хозяйство, чтобы можно было прокормить и обеспечить достатком семью, состоящую к тому времени из 16-ти человек. Обычно он на зиму уходил в горы на "белки" и там охотился, один с собакой. Весной спускался с гор с пушниной. Вел торговый обмен в своем селе, куда с юга узбеки, таджики и киргизы привозили разные товары и посуду. Таким образом, поддерживался семейный достаток и в больших других семьях этого села. Мать моя, Елена Семеновна, была последним ребёнком в семье Гончаровых, она очень хорошо помнит, как жила эта большая и трудолюбивая семья. Она рассказывала, что в доме, кроме основной семьи, жили еще и семьи старших братьев и сестер, которые имели детей. Так вот, было так, что племянники и племянницы Лены были старше своей тетки. Отсюда можно сделать вывод, что количество членов всей семьи или семейщины было, где-то 23-25 человек. Хозяйством занималась вся семья, в отсутствие отца руководила всеми мать, Елизавета Федоровна, трудолюбивая и требовательная женщина... Эти годы детства мать моя всегда вспоминает, как самую яркую картинку детства, которой наградила ее судьба за все годы жизни. Именно эта картинка была, словно отдушиной, во всем кошмаре, когда Лена была в ссылке в десятилетнем возрасте...

Рассказывает мать: "Жили мы на Алтае хорошо и слаженно. Мама наша была и доброй, и строгой. А вот тятя наш был очень веселым, он особенно ко мне был ласков, очень любил меня. Называли меня Елей, или Елькой. Тятя всегда много шутил, когда был дома, устраивал всякие потехи. Семья наша была очень дружной. Обязанности по дому и по хозяйству обычно распределяла мама, каждый из нас был чем-то занят, за что-то отвечал. Никто никогда из детей не перечил родителям и старшим. Заботились друг о друге... Была у нас заимка в горах неподалеку, где держали скот, где было поле, на котором сеяли ячмень, пшеницу, лен. А возле дома в огороде садили картошку, мелочь, капусту, арбузы, репу. Народ в селе был весь трудолюбивый, в соседних селах были батраки, а у нас - нет. Многие семьи помогали друг другу, как-то по-родственному относились к трудностям людей. Все это шло через тятю, за что его все любили в селе.!

В 28-30-х годах по районам Алтая прокатилась волна раскулачивания. В селах власти переписывали имущество дворов, составляли списки людей, подлежащих раскулачиванию. В семье Гончаровых забрали все: и дом, и хозяйство. Отца увезли в г. Бийск и там посадили в тюрьму. Семья распалась на отдельные осколки, жили где кто мог. Так продолжалось около месяца. Селяне еще надеялись на что-то, считали все это ошибкой. Многие говорили, что вот придет настоящая советская власть - заступится, освободит. Затем состоялся общий сбор, где объявили раскулаченным, что они ссылаются, как враги народа, в Сибирь. Разрешили взять с собой по 8 кг груза и повели кого пешком, кого на лошадях до Бийска. Жители села не сопротивлялись, возможно, надеялись еще на чудо. Попутно власти собирали из других деревень и сел таких же ссыльных и толпа людей превратилась к концу пути в длинный людской поток. В Бийск стекались такие потоки отовсюду, и железнодорожный вокзал, его площадь были забиты битком огромной людской массой. Народ ждал своей участи, не ведая ее, и плакал. Многих мужчин позабрали в тюрьмы, здесь же были в основном женщины, старики и старухи, дети малые и большие. Женщины выли почти без слез - повыплакали по пути, они ругали власть, свою судьбу, прижимая к себе малых детей. Иные причитали, словно молясь. И это была мольба. Ребятишки, побольше, старались убежать от матерей посмотреть город - он был для них в диковину. И некоторые из них терялись, либо убегали от охраны.

Погрузили всех в состав, приспособленный для перевозки скота...

Рассказывает мать: "Селя мы в эшелон, а в нем пахло скотским. Нас было трое из семьи: мама, 14-летний Миша, брат мой, и я. Вагон сильно трясло и мне было страшно. Потом стала смотреть в щелку вагона, видела места, где ехали. Все убегало назад стремительно. Мне постоянно хотелось плаката. Так мы и прибыли в Томск... В Томске всех -с эшелона привели на берег Томи - в районе Черемошников. Там погрузили на пять деревянных барж. Плыли мы по Томи, затем по Оби, вниз по течению. На баржах не было места, даже прикорнуть. Сидели в трюмах...После Колпашево свернули в реку Кеть, где баржи стали плыть медленнее. У Белого Яра караван барж пристал, вернее, вошел в какую-то лагуну, поросшую густой травой и тальником, не дойдя до кромки берега. Охрана приказала всем покидать баржи. Первый, кто спрыгнул, оказался в" ледяной зелено-коричневой топи по грудь. Женщины завопили: - Ой, да что это делается...Куда нас гонют, на погибель гонют. Все замешкались. Охрана кричала на людей. Потом, как-то догадались, что ли, подвинуть баржи ближе к берегу, где все ж помельче было. По колени в этой топи мы добирались до берега. Баржи вскоре ушли, как сказали охранники, за новой' партией ссыльных. Начали малопомалу разбредаться по лесу и обустриваться на необжитом, месте...Это было в мае, земля еще была промерзшей. Строились кто как мог - это были юрты из сосновой коры, шалаши из хвойных веток, землянки. До осени жили здесь. Питались лесными дарами и рыбой. Держали всех, словно в карантине - никуда не пускали, даже за километр. Осенью всех собрали и повели пешком вверх по берегу Кети. Через несколько часов пути свернули в тайгу, шли по тропе'. Сутки шли. Мне всю дорогу хотелось есть. Мама в тряпочку заворачивала щепотку муки, из старых запасов, и давала мне сосать. Пришли в какой-то строящийся поселок, от него неподалеку была остяцкая деревня. Жить было здесь тоже негде. Снова строили юрты, рыли землянки. Тех, кто мог свободно ходить, заставляли строить поселок. Нас с мамой поселили в бараке, внутри которого были нары по обеим сторонам, была глиняная печка с трубой в крышу, земляной пол, а вместо освещения - самодельные светильники. Их делали из глины, наполняли жиром, вместо фитиля - тряпочка. Зимой начались эпидемии дизентерии и тифа. Холод и голод. Первыми начали помирать годовалые ребятишки. Взрослых косил тиф.

В эту зиму умерло жуть как много народу. Хоронили в тот же день, неподалеку от поселка в общей яме. Таких ям за зиму было много. Здесь уже выдавали паек: 200 грамм муки и 40 грамм соли на человека. Сюда прибыли новые ссыльные, видимо, для поддержания численности поселка. Вокруг свирепствовали остяки - не давали в речушке ловить рыбу, были случаи убийства ссыльных в лесу. Весной собрали семьи, у которых не было мужчин, отправили их на плотках вниз по Кети до поселка Палочка. Там было 4 участка для ссыльных. Я с мамой оказалась в 4-м строящемся участке, жили также в бараках, но паек давали побольше; брата Мишу забрали в лесохим за много километров отсюда. В школу я не ходила до сих пор, пропадала на речке Анге. Однажды на речке я почувствовала что-то неладное - поспешила домой, прихватив по пути сучков для печки. Около барака ребяташки закричали мне: -Елька, Елька! Твоя бабушка залезла на печку, умерла... Со мной тут что-то случилось - стояла и смотрела на них. Мама мне внушала, что с нами ничего не будет, нас мол бог миловал... -хоронили маму в тот же день. Я слезами упростила коменданта не бросать её в общую яму. Пожалели меня. Из горбыля мало-мало сколотили гроб и увезли его в лес. На могиле вбили кол, не знаю почему. Тогда все ревели, я сильно закричала: "Она живая, она живая...Выкопайте маму!". Меня насильно посадили в телегу и держали всю дорогу..."

Когда мать рассказывала этот случаи, то каждый раз всплакивала и тихо причитала: "Я наверное заживо ее похоронила. Когда жили на Алтае, мама бывало засыпала на целые сутки, и никто ее не будил - она сама просыпалась, приговаривая, мол как хорошо послалось..."

Из лесохима вернулся Миша, когда ему сообщили о смерти матери, он тоже просил, чтобы его отпустили к сестренке. Осенью они с Леной перебрались из барака в заброшенную избушенку. Лену записали в школу. Рассказывает мать: "Зиму мы жили вместе с Мишей. Я ходила в школу уже. Весной в апреле Миша сбежал из поселка, оставив мне записку, что вот мол так и так, не расстраивайся, как заработаю денег - увезу отсюда. Меня допрашивали охранники, а я записку спрятала и ничего они от меня не до-бились.. Один даже пригрозил мне...Позже я узнала, что Миша и еще двое с ним болотами добрались до Тогура. Но по пути он сильно простудился, заболел легкими. В Тогуре попал в больницу, где признали у него туберкулез легких. Через год у него появился горб на спине. Он остался там, устроившись пастухом на работу...А меня приютила тетя Фрося, у которой была девочка моих лет. Однажды с девочкой пасли котов, к вечеру напекли в костре грибов и поели. Наутро девочка умерла, а я осталась жива.

Тетя Фрося после похорон, плача, сказала мне, чтобы я стала ее приемной дочкой. Так мы прожили до осени...Осенью же прошел слух по поселку, что собирают сиротских детей в детдома. Тетя Фрося сначала не хотела меня отдавать, но люди уговорили ее, и она отвела меня на 1-й участок Палочки, где собрали уже по всей округе много сиротских детей. Дети были грязные, в лохмотьях, голодные и худющие. Я сама была такая, бывало присяду на корточки, а подняться сразу не могу - сил не хватало. Сиротских детей согнали в барак, переписали и повели на берег Кети. Там посадили на баржу и рекой доставили нас в Колпашево. Помыли в бане, накормили манной кашей. Затемплыли вверх по Оби до реки Чаи. По этой реке поднялись до села Гришкино. Там нас высадили, разделили по возрастам и поселили в детдома... С этого времени жизнь моя заметно улучшилась, но появилась тоска. По родным, по Алтаю. По МАМЕ...Через несколько лет меня разыскал Миша, прислал письмо. Просил приехать к нему. Я очень обрадовалась. Мне было уже шестнадцать, отпустили с воспитательницей. В Тогуре я нашла его в поле за селом. Он не узнал меня, а я узнала его сразу. Он сидел на пригорке, сильно ссутулившись. Когда он встал, мне стало страшно от иго вида. Он был ниже меня ростом, сзади большой горб. Только глаза были живые как и поезде. Мы поговорили, поплакали вместе. Он все хвалил меня, что я так выросла.

Про себя он говорил мало... Через год в детдоме мне сообщили, что умер брат в Тогуре и нужно забрать его вещи... Так я стала круглой сиротой..."

Говорят и пишут в газетах о том, сколько было жертв в период так называемого "раскулачивания" - 8 или 10 или 15 миллионов, но что это дает? Народу от этого не легче. Надо к людям, оставшимся в живых, подключить живительный канал участия: послушать их, посострадать с ними, отвести от них и предать широкой гласности их незатухающую боль души, их тяжелые надсадные думы, чтобы спасти и предостеречь детей наших и будущие поколения от подобного жуткого кошмара - чтобы он никогда не повторился ни в чем и ни в ком, чтобы люди, освободившись от него, подняли головы и могли свободно выражать свои мысли, чувства и радости земные.

Сталин... «Фигура, совершившая геноцид против советского народа, установившая в стране кровавый диктаторский режим, плоды которого- кровь, и страх, миллионы загубленных людей, искалеченных судеб...". Не бывать больше этому. Долой Сталина из нашей жизни! Долой его облик с Красной Площади! Пусть это скажут все...

Именем матери...